

духовной деятельности. В открытой культуре и личность должна быть открытой, конечно, при развитой духовной ее самостоятельности и самодостаточности.

Всякая культура реализует свои функции не в вакууме, а по отношению к реально существующим объектам: либо природы «первой» - естественной, либо «второй» - искусственной. В целом, для культуры объективна и та, и другая природа. Мир, в котором живет человек - целостен, он представляет собой сложную систему «природа - общество» и культура функционирует на всех уровнях именно этой системы. Поэтому направления, в которых культура осуществляет реализацию своих функций, многообразны, хотя внутренне целостны и едины.

Исторически самым ранним объектом культуропреобразующего воздействия стала при-

рода, причем природа не только как объективная реальность, но и природная сущность самого человека. Когда человек начал созидать «собственный мир», когда он стал переделывать природу в «свое» обиталище, в «свой» дом, он сделал первый шаг к разрыву с матерью-природой, породившей его. Эволюции человека оказалось тесным лоно природы, и он вышел за ее границы, вышел в мир внеприродной реальности, создал мир артефактов, то есть культуры и социума.

Для естественно-природных явлений, как подчеркивал Н. Бердяев, принципы происхождения находятся в самих этих явлениях. В то время, как для артефактов, явлений, созданных культурой, принципы происхождения находятся вне этих явлений, в голове человека, проектирующего и осуществляющего продуцирование артефактов.

Философские науки

ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА ФИЛОСОФИИ И МАТЕМАТИКИ

Лукьянов А.В.

*Башикирский государственный университет
Стерлитамак, Россия*

По мере того, как развиваются естественные и гуманитарные науки, их философское миропонимание и методология становятся все более богатыми по содержанию. Однако данное развитие не может успешно происходить вне расширения математического пространства исследований. История философии и науки показывает, что прогностическая функция философского знания лучше всего проявляется в тот момент, когда развивается союз философии и математики, когда математическое и философское знание «срастаются» или, лучше сказать, соприкасаются настолько сильно, что вспоминаются слова Гегеля, написанные им в «Философии природы»: «название «математика» можно было бы, впрочем, употреблять также и для обозначения философского рассмотрения пространства и времени» (Гегель Г.В.Ф. Философия природы. Энциклопедия философских наук. Т.2. –М.: Мысль, 1975. –С.59).

Платон и Аристотель являются именно теми мыслителями, у которых математика самым тесным образом взаимодействует с философией, причем данное взаимодействие не носит искусственный, глубоко вымученный характер, как, например, сегодня, когда многие исследователи философских проблем науки, буквально растерявшись перед лавиной всякого рода открытий, занялись сооружением мыслительных конструкций вместо того, чтобы заняться непосредственно объектом.

Известно, что Гегель полемицировал с традиционным формально-логическим истолкованием категорий, введенных Аристотелем. Особая их природа, как полагал Гегель, заключается

в том, что они одновременно фиксируют и наиболее общие качества предмета, и сущность отношений, и природу высказываний (См.: Малинин В.А. Диалектика Гегеля и антигегельянство. – М.: Мысль, 1983. – С.33).

Физика и «первая философия» (метафизика) у Аристотеля целиком качественная. Мы разделяем точку зрения, развиваемую В.П.Визгиным, который считает, что характерная для Аристотеля оппозиция платоновско-академическому математизму послужила одним из важнейших источников формирования иного, качественного, или квалитативистского подхода (Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. –М.: Наука, 1982. –С.5), привела к формированию онтологического учения о сущности и качестве.

Аристотель опроверг математический подход к физике, развитый Платоном в «Тимее». Если у Платона математика обособывала физику, то Аристотель, напротив, математику подчинил физике. Например, он ищет сущность треугольника в той конкретной, абстрагируемой от свойств реальных тел, геометрической форме, которая проявляется в фактическом равенстве или неравенстве суммы внутренних углов треугольника двум прямым (Аристотель. Вторая аналитика, 90 А 30). Он ищет сущность треугольника в свойствах самой прямой линии (См.: Аристотель. Соч. в 4 т.: Т.3. –М.: Мысль, 1981. – С.101), что и сближает представления Аристотеля о качестве математических предметов с современностью.

Гегелевская ретроспекция аристотельского категориального аппарата дает методологический ориентир для понимания философии математики Аристотеля или, как пишет Гегель, «философского рассмотрения пространства и времени». Однако, к сожалению, имеется очень незначительное число работ, посвященных рассмотре-

нию естественнонаучных концепций античности «глазами» Гегеля. В ряде работ рассматриваются только параллели между отдельными положениями аристотелевских трактатов и такими работами Гегеля, как «Философия духа», «Лекции по истории философии» (См.: Rollwage Jurgen. Das modalproblem und die historische Handlung (Ein Vergleich zwischen Aristotele und Hegel). Diss. Munchen, 1986).

Анализируя опытный и теоретический материал предшественником Аристотель ставил вопросы так, что та или иная проблема вырисовывалась у него во всех ее многочисленных связях и отношениях, а живая мысль всюду получала свое оформление в непрерывных исканиях и «запросах диалектики» (См.: Ленин В.И. Философские тетради. – М.: Политиздат 1978. – С.326). Об этой диалектической способности мышления, приводящей к расширению философского пространства, В.И. Ленин как-то заметил словами самого Гегеля: «И относительно других предметов также требуется известное развитие для того, чтобы уметь задавать вопросы, тем более относительно философских предметов, так как иначе может получиться ответ, что вопрос никуда не годиться (Ленин В.И. Полн. СОБР. Соч. Т.29. – С.103».

Каждая наука, согласно Аристотелю, может быть доказана из свойственных ей специфических начал, определяющих границы отдельных наук. Однако есть общее для всех наук начало, исследование которого и является делом философии. По Аристотелю, таким началом выступает ум.

Проблема начала доказательства сегодня также актуальна, как и две с половиной тысячи лет тому назад, ибо многие представители современной зарубежной философии ставят под сомнение объективность научного знания, причем делают это далеко не лучшим образом, нежели скептики периода античной Греции. Каждое доказательство у Аристотеля есть своего рода умозаключение, но не всякого рода умозаключение служит доказательством. Нахождение начал доказательства есть обоснование самого доказательства. Но начало как основа доказательства, со своей стороны, также требует своего последующего обоснования и т. д. Регресс же в бесконечность, по Аристотелю, не дает положительного решения проблемы, так как при нем возможность обоснования всякого рода знания вообще исключена. Однако если существует какой-то факт знания, то существует и начало доказательства. Отрицание начала здесь просто логически невозможно, так как само отрицание, как своего рода доказательство, должно иметь свое начало. Таким образом, необходимость начала доказательства заключается в невозможности его отрицания.

Далее. Существует множество наук, следовательно – множество начал. Но так как науки сходны между собой по их логической основе, то они должны иметь общее начало. Вот перед какой трудностью встал Аристотель и, решая её, не

смог быть до конца последовательным, из-за чего и заслужил, не без определенных на то оснований, критику скептиков в их «новых тропах».

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Шергенг Н.А.

*Башкирский государственный университет
Стерлитамак, Россия*

Поскольку философское мышление не желает скатиться на ступень догматического рационализма, конституирующую свою систему понятий «как замкнутую и ко всем применимую», без всякого учета иррационального содержания действительности, поскольку оно приходит к необходимости обращения к такому дискурсу, в основаниях которого находится понятие «трансцендентального субъекта», выполняющего важную гносеологическую или регулятивную функцию.

На наш взгляд, исследование степени взаимного дистанцирования понятий «дух» и «система» составляет сегодня одну из основных задач развития классической философии. Ведь философия как форма самоопределения человека занята поиском не только новых источников существования, новых проблем, но и возобновления тех прерванных традиций, которые еще до конца не исчерпали своих эвристических и прогностических возможностей. Одной из таких традиций является классическая традиция, которая нацелена на гармонию во взаимоотношениях между «системой» и «духом» на разрешение противоречия между все более усложняющимися социокультурным бытием и появлением привычки думать очень просто.

Важнейшими признаками классического мышления являются следующие:

1. Поиск самоочевидных основоположений;
2. Нахождение исходных фундаментальных принципов, доказывающих все иные утверждения;
3. Опора на естественнонаучный разум;
4. Ориентация на представление о достижимости абсолютного истинного знания, что в свою очередь предполагает в обществе существование некоего социально-этического инварианта (жизненной формы).

Эпоха Канта открыла не только новое социальное пространство для воплощения человеческих сущностных сил, но и предложила экономические и культурные стимулы для теоретического мышления, новые правовые и нравственные ориентиры.

В 80-е гг. XVIII столетия достигает все более широких масштабов использование свободной рабочей силы для усложняющейся коопе-